

Татьяна Соловьева

Венец мужу своему или оружие дьявола?

Женский вопрос на Руси

Женских имен от нашей славянской древности сохранилось до обидного мало. Летописцы упоминают лишь немногих жен, дочерей или сестер князей, да и то, называя их не собственными именами, а по отцу — Всеволодовна, Мстиславна, или по мужу — Глебовая, Мишиная, или по брату — сестра Всеволожа. Вниманием не обделена разве что княгиня Ольга, которая, взяв власть в свои руки после убийства древлянами мужа Игоря, показала себя сильным мудрым государственным деятелем, не уступающим правителям-мужчинам. «Изобразительный ряд» и того скуднее: несколько книжных миниатюр и чеканок на украшениях, которые любили носить славянки.

Вот, пожалуй, и все, что поведали нам современники вятичек и полянок. Тем бесценнее вещественные памятники древней славянской истории, найденные археологами: орудия женских ремесел, предметы бы-

та, украшения, посуда, остатки одежды, тканей и обуви. И тем замечательнее колоссальный труд этнографов — собирателей и хранителей родной старины, традиций, обрядов, сказок, поверий.

Соединяя все известное воедино, попытаемся представить жизнь славянки XI—XIII веков, ее положение в обществе, степень свободы, права, возможности, отношения с родственниками, мужьями, детьми, соседями. Это непросто — мнения о положении женщин на Руси в научном сообществе порой настолько противоположны, что невольно озадачивает: как, пользуясь одними источниками, ученые люди умудрялись вычитывать в них столь взаимоисключающие сведения. Начиная с первых отечественных славистов XVIII века, например, бытует точка зрения о бесправной, чуть ли не рабской доле славянки, которая сначала безраздельно подчинялась власти отца или главы рода, а, выйдя замуж, становилась собственностью мужа, распо-

ряжавшегося ею по своему усмотрению. Выказывались и совсем уж нелепости, будто женщина только с разрешения отца или мужа могла с кем-либо разговаривать, а, проголодавшись или испытывая жажду, должна была спрашивать у главы семьи разрешения поесть и попить водички. По утверждению одной из первых российских писательниц-феминисток Е. Н. Щепкиной (1854—1938), дела обстоят еще печальнее: «*большак-заправила, как феодальный сеньор, присваивал себе права на молодых женщин, пользуясь зависимым положением их мужей*» (Е. Н. Щепкина. «Из истории женской личности в России», 1914).

Да, древнерусский мир был миром патриархальным, главой семьи был мужчина, что накладывало определенные ограничения на женщин, которые на Руси, как во всех древних обществах, занимали чуть более низкое положение, чем мужчины. Вопрос, какова была степень этого «чуть». В летописях нет никаких упоминаний о том, что вятички или ильменские словенки принимали участие в вечерних собраниях общин? Действительно, нет. Но вряд ли такое неучастие следует понимать, как ущемление «женских прав». Славянские женщины не были исключены из общества, более того есть все основания полагать, что в своих общинах они пользовались немалым влиянием. Селянки, горожанки, ремесленницы были полными хозяйками дома, который в условиях господства натурального хозяйства составлял основу жизни рода. Они вели хозяйство, воспитывали детей, пряли, ткали, вышивали, одевали всех членов семьи, сеяли, жали на поле, работали в огороде, ходили за скотом. Женщины-волховитки, называемые церковниками «бабами-идоломоллицами», лечили, ворожили, помогали в рождении детей. Женщинам принадлежала важная роль в религиозных торжествах и сохранении обрядности. Множество примеров, когда женщины наравне с мужчинами распоряжались денежными средствами и имуществом, занимались торговлей или другим прибыльным делом, дают тек-

Изборник
Святослава.
XI век

сты берестяных грамот XI—XIII веков. В одной такой грамотке новгородская портниха, возможно, шившая дорогую одежду на заказ, просит сына купить ей дорогого бухарского шелка. В другой — свахи Ярина и Милуша договариваются об оплате своих услуг. Предлагаемых невест, как и полагается, свахи расписывают как красавиц и усердных рукодельниц — красота, трудолюбие и мастерство на Руси ценились особенно.

В отсутствие мужей, ушедших в поход, женщины оставались фактически главами семьи, не уступающими им в умении управлять хозяйством. При постоянных войнах, которые велись тогда, среди женщин было много вдов, потерявших и мужей, и сыновей, так что славянкам из простых семей приходилось брать на себя еще и всю мужскую работу: плотничать, рубить лес, чинить избу, ходить на охоту, рыбалить. А если учитывать, что жизнь в основном ограничивалась пределами общины, то доля женщины составляла довольно значительную часть соци-

Боярыня конца XVII и начала XVIII вѣка.

Кика и душегрѣя.

Лѣтняя одежда зажиточныхъ женщинъ.

Простая дѣвушка.

ального пространства селения. Трудно представить в таких условиях, чтобы она подчинялась мужчине, как бессловесная скотина. Да и как могло бы выжить такое общество?

Умная, добрая, верная, сильная

По немногословным, но достаточно отчетливым рассказам древнерусских летописей и преданий XII—XIII веков мы можем с уверенностью представить себе идеал женственности Древней Руси: сильная, преданная и заботливая супруга, мать, дочь, скромная, верная и любящая, как Ярославна из «Слова о полку Игореве», достойная жена своего героя-мужа. Замечательны образы славянок в фольклоре, представляющемся, по словам историка XVIII века В. Н. Татищева, кладовую памяти народа. Из древних волшебных сказок и былин, в которых закодированы традиционные национальные ценности, особенности славянского быта и нрава, предстают смелые, добрые, верные, решительные женщины. Василиса Прекрасная, Марья Моревна, Царь-девица, Настасья Королевишна, Варвара-краса, Невеста-помощница и Жена-волшебница обладают не

только красотой, но умом и мудростью, помогают своим избранникам разрешать хитроумные задачи, проходить все испытания и побеждать в сражениях с врагами или чудовищами.

А как хороши женщины-воительницы русских былин! Поляницы удалые, дочери богатыря Микулы Селяниновича, Василиса Микулишна и Настасья Микулишна не уступают в силе и смелости мужчинам-богатырям, и чтобы завоевать их любовь, будущие мужья Ставр Годинович и Добрыня Никитич должны осилить невест в поединке. Но они же преданно бросаются в трудную минуту на выручку любимым.

Сильные и своенравные героини сказок и былин отражают не только представление в обществе того далекого времени об идеальных женах, но и действительность. Известно, что славянки участвовали в военных походах вместе с отцами и супругами и отважно сражались наравне с ними. Византийские хроники разных лет буквально пестрят подобными сообщениями. Об этом можно прочитать у писателя IX века Феофана, рассказывающего о битве славян и греков у стен

Лубок. XVIII век

Константинополя в 626 году. Его соотечественник, хронист XI — начала XII века Иоанн Скилица писал, что женщины участвовали в боевых вылазках воинов князя Святослава из осажденного византийцами летом 971 года болгарского города Доростола. Похожие сообщения можно встретить и у Льва Диакона: «Снимая доспехи убитых варваров, ромеи находили между ними мертвых женщин в мужской одежде, которые сражались вместе с мужчинами против ромеев». А патриарх Никифор говорит об участии славянок в морском бою: «Славяне, увидев его,

выступили с реки под названием Варвис и двинулись против города. Те же [т. е. суда ромеев] устремились навстречу, окружили их, тотчас сокрушили и окропили обильной кровью морскую воду. При этом среди тел убитых были обнаружены жены и женщины-славянки».

С оружием в руках женщинам приходилось оборонять себя и своих детей во время набегов кочевников и участвовать в битвах с ордынцами.

Русская придворная знать XVII века

Достойными преемницами славянских Поляниц были Дарья, дочь ростовского князя Андрея Федоровича, и Феодора, дочь князя Ивана Пужбольшого. Обе прекрасно владели оружием и храбро сражались на Куликовом поле, ничуть не уступая однополчанам мужского пола.

О том, что женщины Древней Руси мечом владели не хуже, чем иглой для вышивания, свидетельствует их участие в судебных поединках. Они назначались, когда невозможно было установить истину другим путем, или стороны, не соглашаясь с решением суда, отказывались признать свою неправоту. А так как по установленным правилам бой должен быть равным, а женщины слабее мужчин по природе и уступали им в физической силе, то в таком споре с супротивником мужского полу они могли выставить вместо себя наемных бойцов. В том же случае, когда иск подавала женщина против женщины, наймиты запрещались, и они должны были биться за свою правоту сами. Юридически это условие было закреплено, в частности, в Псковской судной грамоте (принята на вече в 1397 году), которая, как сказано в преамбуле, учитывала *исконные обычаи*. Подобные судебные поединки как форма разрешения сложных споров в средневековой Европе, в том числе у восточных славян, были чрезвычайно распространены. В Древней Руси они носили название «поле».

Сохранилось описание славянского «поля» у персидского ученого-энциклопедиста конца IX – первой трети X века Ибн Русте: *«И если один из них возбудит дело против другого, то зовет его на суд к князю, перед которым и препираются. Когда же князь произносит приговор, исполняется то, что он велит. Если же обе стороны недовольны приговором, то дело решается оружием, и чей из мечей острее, тот и побеждает. На этот поединок родственники приходят вооруженные и становятся. Затем соперники вступают в бой, и кто одолеет противника, выигрывает дело»* («Китаб ал-алак ан-нафиса» – «Книга драгоценных ожерелий»).

Так битая или не битая?

Похоже, женские драки вообще не были на Руси редкостью. Иначе зачем бы понадобилось вводить в Уставе князя Владимира 995–996 годов специальный параграф о наказании штрафом за пошибания между женщинами, которые велись нечестно, т. е. когда женщины в драке кусали или царапали друг друга: *«И жене две бьется, митрополиту 6 гривен на виноватой»*.

Отдельно в Уставе говорилось и о таком женском бесчинстве: *«когда дерутся между собою мужчины», а «жена одного (из них) подойдет, чтобы отнять мужа своего из рук бьющего его, и, протянув руку свою, схватит его за срамный уд, то отсеки руку ее»*. Наказание, конечно, строгое, но, кто же не знает, что мужчинам собственное причинное место всегда представлялось весьма большой ценностью...

Славянки, надо думать, никогда не отличались кротостью нрава. Так что независимый характер, самостоятельность, даже строптивость, и в хорошем таком объеме, русские женщины XXI века получили в наследство от своих замечательных прапрабабок.

А как не услышать «крик души» автора необычного произведения древнерусской литературы «Слово Даниила Заточника», составленного в начале 1200-х годов:

...Говорится ведь в мирских пословицах: ни скот в скотах коза, ни зверь в зверях еж, ни рыба в рыбах рак, ни птица в птицах нетопырь, ни муж в мужах, если над ним жена властвует, ни жена в женах, если от своего мужа прелюбодействует.

...Лучше бы уж мне вола бурого ввезти в дом свой, чем злую жену взять. Что такое жена злая? Торговка плутоватая, кощунница бесовская. Что такое жена злая? Людская смута, ослепление уму, заводила всякой злобе, в церкви сборщица дани для беса, защитница греха, заграда от спасения.

...Хорошая жена – венец мужу своему и беспечалие, а злая жена – горе лютое и разорение дому. Червь дерево точит, а злая жена дом своего мужа истоца-

БОЛОГОДСКАА
АЪБУШКА ВЪ
ПРАЗНИНОМЪ
НАРААЪ.

Рисунки
Ивана
Билибина.
1905 год

БОЛОГОДСКАА
МОЛОДУХА ВЪ
ПРАЗНИНОМЪ
НАРААЪ.

ет. Лучше в дырявой ладье плыть, нежели злой жене тайны поведать: дырявая ладья одежду замочит, а злая жена всю жизнь мужа своего погубит. Лучше камень бить, нежели злую жену учить; железо переплавишь, а злой жены не научишь. Ибо злая жена ни ученья не слушает, ни священника не чтит, ни Бога не боится, ни людей не стыдится, но всех укоряет и всех осуждает.

...Что злее льва среди четвероногих и что лютее змеи среди ползающих по земле? Всех тех злее злая жена. Нет на земле ничего лютее женской злобы. Сперва из-за жены прадед наш Адам из рая был изгнан; из-за жены Иосиф Прекрасный в темницу был заключен, из-за жены пророка Даниила в ров ввергли, где львы ему ноги лизали. О, злое, острое оружие дьявола и стрела, летящая с ядом!

(Перевод Дмитрия Лихачева.)

Трудно сказать, что повлияло на бедолагу, детские впечатления об отношениях между отцом и матерью или горький семейный опыт, однако в его

рассуждениях о злой жене женщина уж никак не выглядит беззащитной или неполноправной. И уж точно непохожей на «героиню» «Домостроя» XVI века, составитель которого священник Сильвестр советовал «ни по виденью не бити, ни под сердце кулаком, ни пинком, ни посохом не колотить, никаким железным или деревянным не бить», а «соймя рубашка, плеткою вежливенько (бережно!) побить, за руки держа».

Ежели «вежливенько» и «никаким железным» — гуманно, конечно, что тут скажешь...

В раннехристианские времена великий князь Ярослав Мудрый тоже был вынужден на «государственном уровне» принимать закон по поводу семейного насилия, только «наоборот»: жена не вправе поднимать руку на мужа и бить его: «Аще жена бьет мужа, митрополиту 3 гривны». Забавно, что штраф взимался... с битого мужа.

Сам факт появления подобных правовых норм в древнерусском законодательстве, как нетрудно догадаться, представляет не единичный случай, когда славянину пришлось огрести от своей половинки, а более-менее распространенное явление. Последнее особенно интересно для истории древнего славянства. Христианство проникало в славянские земли постепенно, язычество и старые племенные традиции еще долгое вре-

мя оставались сильны во всех аспектах жизни, в том числе и в «женском вопросе». Письменное законодательство лишь закрепляло нормы обычного права, регулировавшие общественные и семейные отношения в языческие времена, — с той только разницей, что в обычном праве такие преступления, как изнасилования, побои и прелюбодеяния, требовали кровной мести, а по «Русской правде» Ярослава Мудрого они наказывались штрафами. Особо оговаривалось оскорбление женщин «срамными словами». *«Аще кто зовет чюжюю жену бл***, а будет боярьская жена великих бояр, за сором 5 гривен золота, а митрополиту 5 гривен золота, а князь казнить; а будет меньших бояр — 3 гривны золота, а митрополиту рубль; еже будет городских людей — 3 гривны золота, а митрополиту рубль; селенце (женщины из простых семей) — 60 резан, а митрополиту 3 гривны»*. Обратим внимание: речь идет именно об оскорблении словом!

В древнерусских законах перечислены случаи, которые должны разбирать суды: внебрачная связь, похищение женщины, имущественный спор между мужем и женой, кровосмесительная связь, ложный оговор в блуде, драки, избиение детьми родителей или снохой свекрови, тяжбы о наследстве и, конечно, развод.

Так, жена могла потребовать развода в случае неспособности супруга к брачному сожитию, длящейся три года, или, напротив, его склонности к прелюбодеянию и частым изменам. Причиной развода могло стать безвестное отсутствие мужа в течение пяти лет и недонесение женой или мужем о государственном заговоре. А вот оставление больной жены, как и больного или покалечившегося мужа, было непозволительным и каралось. Муж не мог развестись с женой без ее согласия, если не будет доказано, что она сама виновата в разрушении семьи. Неблаговидные деяния жены, которые служили основанием для расторжения брака, подробно перечислялись в параграфе *«А сими винами разлучити мужа с женою»* Устава Владимира Мономаха. К таковым от-

носились покушение на жизнь супруга или недонесение о готовящемся его убийстве, участие в обворовывании мужа или самостоятельное похищение его имущества, разгульная жизнь жены, посещение ею корчмы, игрищ или домов посторонних людей без согласия мужа, а также, если жена будет часто не приходиться ночевать домой, или *«оже мужъ застанеть свою жену с любодеемъ»*.

А се о задницѣ¹

О жизни славянок в языческие и раннехристианские времена можно судить по параграфам древнерусских законов, касающихся их имущественного положения и прав наследования, которые, как считают историки, также базировались на более древних правовых традициях. Уже Церковный устав князя Владимира 995—996 годов, согласно которому предстояло жить молодому христианскому государству, свидетельствует о том, что в Древней Руси традиционно существовала раздельная собственность супругов, и в юридическом отношении женщина рассматривалась как ровня мужу. Причем положение ее было гораздо лучше, чем в европейском обществе того времени. Древнегерманские и римские законы серьезно ограничивали дееспособность женщин во всех сферах жизни общества, и мать, жена, дочь всегда имели опекуна, принимавшего решение за них. Такая же ситуация была и в Византии. Тогда как на Руси существенные имущественные права имели не только знатные женщины из княжеских семей и привилегированных сословий бояр, огнищан и княжеских тиунов, но и из «посадских» людей (горожан) — купцов, ремесленников и смердов, т. е. селян-земледельцев. В берестяных грамотах мы видим много примеров, когда женщины владели большими денежными средствами, тратя деньги по

¹ Термин «наследство» появляется в актах не ранее конца XV века. В языческие и раннехристианские времена применялось слово «задница».

собственному усмотрению или давая их в долг. Так же свободно распоряжались они и имуществом, которое могли продать или завещать, кому считали нужным. А по псковской Судной грамоте, если после смерти у простого смерда остались незамужние дочери, то часть наследства они получали наравне с сыновьями.

Особым уважением пользовались в обществе матери, чьи личные и имущественные права по отношению к детям не были ограничены ни в браке, ни после смерти супруга. В том случае, если взрослые сыновья жили отдельно, они должны были выделять матери до конца ее дней «пожиток». Кроме того, ей предоставлялось право остаться в доме своих детей даже против их воли. Мать единолично могла решать, кого из детей сделать своим наследником, а кого нет. Одна из статей свода законов Владимира Мономаха, вошедших в Пространную редакцию «Русской Правды», гласит: *«А мать пусть даст свое имущество тому сыну, который был к ней добр, от первого ли мужа или от второго; если же все сыновья будут к ней плохи, то она может отдать имущество дочери, которая ее кормит».*

Семейный статус женщины имел большое значение — положения девушки, замужней женщины и вдовы в еще не изжившей языческие обычаи Руси были различны, и имущественные отношения супругов во многом зависели от формы заключения брака. Жены, вступившие в брак через приведение и принесшие в дом приданое, пользовались большей свободой, чем приобретенные посредством купли-продажи или захваченные как военная добыча. Не факт, что сердечное отношение к таким женам было хуже, но у купленной и украденной жены экономической самостоятельности все-таки было меньше.

Показательно, что приданое, полученное при вступлении в брак, после смерти супруга ни в общее имущество, ни в общее наследство не включалось. К какой бы социальной группе ни принадлежала женщина, бы-

ла ли она из знатных, горожанок или крестьянок, своим приданым она владела и распоряжалась единолично, не спрашивая согласия мужа и даже не ставя его в известность, как намерена поступить.

«Аще жена сядет по мужи», т. е. после смерти супруга, вдова наследовала ему наравне с сыновьями и имела право на такую же долю в наследстве, как и они, но могла получить и больше, если муж при жизни выделил ей части своего имущества. Правда, при одном условии, если она снова не выйдет замуж: *«Если жена остается после смерти мужа вдовой, то дать ей часть имущества, а то, что дал ей муж при своей жизни, остается ей сверх того...»* («Русская правда»). Если же такое случится, а всякое бывает, если вдова еще молода и хороша собой, то право на пожизненное владение оставшимся имуществом мужа она теряет.

Высокую самостоятельность женщины в сфере имущественных отношений показывает положение о споре *«промежи мужем и женою о животе»* — т. е. споре об имуществе. По тому же поводу древнерусским судьям приходилось разрешать конфликты вдов с братьями, снохами, свекровьями и собственными детьми.

Первые писанные законы Древней Руси X—XII веков — «Русская правда» Ярослава Мудрого, сохранявшая значение в качестве основы законодательства до XV—XVI веков, Уставы или княжеские грамоты Владимира Святославовича и Владимира Мономаха — совершенно замечательны по информативности. Никакой другой источник не дает столько разнообразных сведений о реалиях жизни, системе норм и правил поведения восточных славян, причем не только раннехристианского времени, к которому относятся эти документы, но и древней, еще языческой нашей истории. В «Уставе Владимира Святославовича» о том даже оговорено: *«Устав, бывший прежде нас в Руси от прадедов и от дедов наших».*